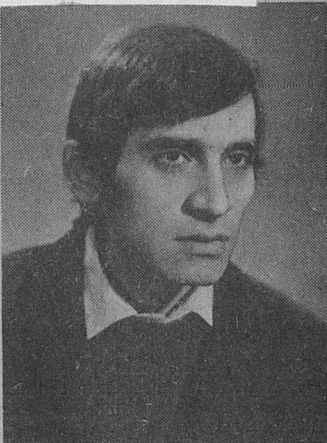

ДОРОГОЙ ПОЗНАНИЯ

Портреты молодых

отвергает из современной музыкальной практики?

Конец 60-х — начало 70-х годов в армянской музыке были периодом исканий. Рождающиеся идеи порой казались неоправданными и неармянскими — действительно, немало было и таких. Зато они основательно «встрянули» всю систему музыкально-эстетических нормативов, национальных представлений и в общем обусловили новые пути развития. Сейчас мы пожинаем плоды того трудного времени, по праву гордясь типовым многообразием армянской музыки, благодарим первопроходцев. Ашот Зограбян был в их числе.

Творческие интересы Зограбяна сконцентрировались в области инструментальной музыки, главным образом, камерной. Основная продукция в годы учебы — музыка для различных ансамблевых составов. Такое ограничение не было лишь внешним и случайным. Оно характеризовало всегда присущую Зограбяну скрупулезность композиторской работы, отшлифованность музыкального текста, стремление к внутренней гармонии.

Удивительной была сама творческая (и где-то исследовательская) задача, ставившаяся молодым композитором заново и заново. Он словно не удовлетворялся найденным, и подобно ученому, вновь повторял опыт. Выявить источники развития, возможности и средства обновления в композиции, по своему роду являющейся самозамкнутой, герметичной — вот эта задача.

Иначе говоря, Зограбян искал форму, ведь форма в му-

зыка, известно, не мыслится без постоянного движения. И он нашел ее. В ряде студенческих сочинений, например, в Септете для деревянных духовых и фортепиано, в вокальном цикле «Круги» (на слова М. Мецаренца и Д. Варужана) для голоса и инструментального ансамбля, объединившегося с созданным год спустя циклом «Красные хлеба» в одно целое — сольную кантату, жанрово популярную в музыке XX века. Но особенно верно выражающими идеи композитора стали его две тетради «Игр бумерангов» для инструментального ансамбля, написанные уже после окончания консерватории. Это произведение, исполнявшееся в Ереване, а в конце прошлого года и в Париже, подвело итог семилетнему творческому периоду.

Присущая «Играм» мозаичность фактуры, изощренность ритмического рисунка, а также «разреженность» всей звуковой атмосферы была присуща Зограбяну и позже. Однако в последующих произведениях молодой автор, освобождаясь от структурной жесткости прежней манеры, открывает в себе новые ресурсы — экспрессивность, лиричность, философскую настроенность, наконец, национальную выразительность.

Лирико-экспрессивные свойства наиболее отчетливо про-

явились в сонатах — фортепианной и двух виолончельных. Лучшая из них — Вторая соната для виолончели и фортепиано тягивает слушателя в свой напряженный мир, созданный силой художественного вдохновения. Образную конфликтность этой сонаты подчеркивает написанная за год до нее, в 1979, «Элегия» — концерт для струнного оркестра. За время после ереванской премьеры «Элегии» она звучала в Москве, Прибалтике, Тбилиси, в Белоруссии — и везде с успехом. Причина — не в одном лишь мастерстве композиционной работы и стиливой чистоте, а в скрещении лирической проникновенности и философской медитативности, издревле характерном для жанра элегии.

Линию «Элегии» по-своему продолжает «Приношение Мецаренцу» для струнного квартета и камерного оркестра, недавно завершенное Зограбяном. В этом, по сути восторженном гимне самобытному армянскому поэту, композитор сумел передать новое для своей музыки свечение звуковых красок...

Творчество Ашота Зограбяна вступает в пору зрелости. Он пришел к ней автором уже изданных произведений, художником, с которым сотрудничают наши ведущие исполнительские силы (среди них виолончелистка Медела Абрамян, Ереванский камерный оркестр), композитором, чьи произведения звучат на концертах, пленумах, фестивалях. Хочется надеяться, что он сохранит верность избранному пути.

С. САРКИСЯН,
кандидат искусствоведения.

С САМОГО же начала композитора Ашота Зограбяна отличали внутренняя сосредоточенность, самоуглубленность и вместе с тем вера в правоту собственных идеалов. Сейчас, по истечении десяти лет после окончания Ереванской консерватории (класс композиции профессора Григория Егиазаряна), А. Зограбян остался тем же, хотя ныне его имя украшает список молодых композиторов Армении. Будучи старшим из молодых, причем старшим не только по возрасту и творческому опыту, но и по сформировавшимся убеждениям, Ашот Зограбян закрепил за собой самое дорогое для художника право — на индивидуальность. Показательно, что это право за ним признается даже теми, кто стоит на иных творческих позициях.

Его композиторское самоопределение было обычным в том смысле, что молодой автор активно искал в искусстве свою правду. Он много экспериментировал, находился на распутье, и как его старшие коллеги, мучался над главным вопросом: как дальше развиваться армянской музыке, какие традиции прошлого она наследует, что приемлет или